

фографических словарей в Иране вызывает безусловные трудности при создании толковых и переводных словарей. Поэтому становится понятным, почему автор подробно анализирует состояние правописания в современном Иране, различные подходы к решению данных проблем в имеющихся словарях персидского языка. В этой главе даются выработанные автором практические рекомендации составителям словарей по транскрибированию.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая монография во многом носит новаторский характер и является существен-

ным вкладом не только в персидскую, но и в общую теорию лексикографии. С выходом книги закладывается надежный фундамент дальнейших научных исследований в этой области иранского языкознания, ее выводы и рекомендации, безусловно, будут способствовать улучшению качества практической работы по составлению словарей персидского языка различного типа и профиля. Она может также служить ценным пособием для чтения курса по персидской лексикографии в востоковедных вузах страны.

Веретенников А.А.

Lamberterie Ch. de. Les adjectifs grecs en -ος: Sémantique et comparaison. V. 1—2. Louvain-la-Neuve: Peeters, 1990. 1035 p.

Двухтомная монография французского лингвиста Ш. де Ламбертери посвящена одному классу слов — греческим прилагательным на -ος, соответствующему общиндоевропейскому классу прилагательных на -и-. Для анализа автор собрал все известные греческие прилагательные этого типа, не только реально зафиксированные, но и восстановленные на основе композитов и словообразовательных моделей. Всего рассмотрено около 40 лексем и их производных. Временные рамки анализируемого материала весьма широки — от Гомера и микенских текстов до современного греческого.

Во Введении (с. 1—41) автор отмечает, что среди греческих прилагательных на -ος можно найти много достаточно архаических форм, находящихся особенно явные параллели в древнеиндийском. Ср. греч. ἡδύς — др.-инд. *svadú* "сладкий, приятный", βαρύς — *gurú* "тяжелый, весомый" (др.-инд. также "учитель, наставник"), ἐλαχύς — *laghú* "легкий", ὀχύς — *ācú* "быстрый" и мн. др. Достаточно подробный список этих соответствий приведен у К. Бругмана [1]. При этом важно заметить, что совпадают не только корень и аффикс, но и структура слова целиком, в частности, морфонология (нулевой вокализм корня). Дискуссионным автор считает только вопрос о соотношении греч. πολύς и др.-инд. *rigú* "много": последний пример демонстрирует нулевую ступень корня, как и гот. *filu*, др.-ирл. *il*, тогда как вокализм греческой формы остается неясным. С нашей точки зрения, здесь возможны два решения. Представители классической ларингальной теории видят в этом так называемый ларингал *Н₃, который

окрашивает вокальные элементы тембром о: **plH* > **pal* > *pol-*; ср. дериват того же корня: πόλις - др.-инд. *rig*, литов. *pilis* "город" [2, с. 179]. Недостатком подобного объяснения является наличие дериватов, лишенных этого тембра: лат. *plēnus* (**pleH*). Поэтому вероятнее видеть в греч. πόλις и πολύς эолийско-ахейский рефлекс *λ, ср. эол. ὑροφεύς - атт. ὑραφεύς "писец" (и.-е. **gh₁rbh-*, ср. др.-в.-нем. *ceorfan*, нем. *kerben*, церк.-слав. жръбѣи), греч. στόρνυμι — др.-инд. *st₁rb₁ti*, греч. ὀρνυμι — др.-инд. *m₁rb₁ti*. Таким образом, πολύς не выбивается из общей картины; лексем с нестандартным оформлением слоговых плавных, по-видимому, вместе с другими эолийскими и ахейскими элементами проникли в язык Гомера (о плавных см. [3, с. 49]), и некоторые стали позднее достоянием литературного языка.

Построение книги служит максимально точному описанию семантики прилагательных. Основная морфологическая и сравнительно-историческая проблематика изложена в первой главе (с. 41—72); остальные главы именуют различные семантические поля: гл. II "Пространство, формы измерения" (с. 72—318); гл. III "Физические качества и чувственные ощущения" (с. 319—596); гл. IV "Множество, изобилие и связанные с ним понятия" (с. 597—742); гл. V "Другие качества" (добро/зло, привлекательность/непривлекательность; мужское/женское) (с. 743—906). Глава VI (с. 907—950) включает в себя три словообразовательных этюда: прилагательное πρεσβύς "старый, почтенный" рассматривается как древний композит **preis-g₁u-* "вперед-идущий, впереди-стоящий" ("прежний", "ста-

рый"), ему родственно арм. *etec* (с помощью которого в переводных текстах и передавалось греч. πρεσβύς) и, возможно, лат. *priscus* "прежний, старый". Прилагательные ἴσος "отдельный" и ἡμισός "половинный", по мнению Ш. де Ламбертери, репрезентируют суф. *-tu-, хорошо известный как суффикс существительных и прилагательных. В микенском *ewisuzoko* (киосские таблицы), *ewisu-79-ko* (Пилос) "равновесный (?)", автор видит древнее *εἰσός, соотносящееся с греч. ἴσος < *FioFos "равный" как первичное атематическое с производным тематическим.

Соответствие греческого и индоиранского распространяется не только на морфологическую структуру первичных прилагательных, но и на их словоизменительную и словообразовательную деривацию: греч. им. п. ἡδύς — др.-инд. *svadúh*, вин. п. ἡδύν — *svadúm*, им. п. мн.ч. ἡδέεσσις — др.-инд. *svadávah*, ὠκύς — др.-инд. *ācúh* — авест. *āsuš*, ὠκέεσσις — др.-инд. *ācávah* — авест. *āsauno*. Во всех названных языках от этих прилагательных превосходная степень образуется одинаково: суф. -и- заменяется на -i- и прибавляется дополнительный суф. -to- греч. ἡδιστός — др.-инд. *svádīstha*, ὠκιστός — *ācīstha*, авест. *āsišta*. Соответствия имеются и на уровне формул: гомер. ὠκέες ἵπποι "быстрые кони" соответствует вед. *ācvaso ācāvo*, *ācūm ācūvat* (вин. п.), авест. *āsuš aspa* (им. п. ед. ч.), *āspanho...* *asauno*. Вообще прилагательные на -u- образуют важную греко-арийскую изоглоссу, стягивающую в себя достаточно много элементов (см. [4] о различении понятий изоглоссы и простого соответствия).

По соотношению с системой данных прилагательных автор разделяет все и.-е. языки на три большие группы. В первую входят те, в которых эти прилагательные получили значительное развитие. В индоиранских языках этот способ является весьма продуктивным, так как с его помощью образуются многие оплагольные прилагательные, в том числе и от производных основ. Это — так называемые "псевдо-причастия" (*quasi-participles*) от деизидеративов на -sa-, отыменных глаголов на -ya: др.-инд. *didrksú* "жаждущий увидеть" (*didrksāti* — деизидератив от *dr̥s* "видеть"), *vasuyú* "жадный до богатства" (*vasúyati* "жаждать богатства" — производное от *vasú* "богатство, добро", ср. р. от *vasúh* "хороший, добрый"). Достаточно развита эта категория также в литовском языке, она сохраняет продуктивность, так как оформляет многие современные заимствования: *aktualūs*, *elementarūs*, *specialūs*. Женский род

у этих имен образуется с помощью суф. -i: *platūs* "широкий" — *plati* "широкая". Некоторые падежи изменились по аналогии с основами на -i под влиянием жен. рода: дат. п. ж. р. *plāčiai* — м.р. *plāčiam* вл. ожидаемого **plalui*; ср. у существительных: *sunūs* — *sunui*. Кроме того, в литовском имеются существительные, являющиеся субстантивированными прилагательными, например, упоминавшееся *sunūs* "сын", ср. др.-инд. *śunī*, производное от глагола *su/sū* "выжимать сок; рожать". К этой же группе языков относится и хеттский, в котором можно наблюдать следующую закономерность: основа прилагательных на -и приобретает в косвенных падежах полную ступень, тогда как у существительных сохраняется нулевая ступень: *ašši* "хороший", род. п. *aššiayaš* — *geni* "колено", род. п. *geniyaš*. Это обстоятельство проливает свет на некоторые особенности апофонии у существительных и прилагательных на -i- и -u-. В древнеиндийском они подразделяются на две группы. У одной флексия генитива не отличается от флексии номинатива, а последний слог основы становится полногласным (так называемые протеродинамические имена), у другой группа основа не изменяется, а генитив, как и в согласном склонении, противостоит своей полной ступенью вокализма номинативу с нулевой ступенью (гистеродинамические имена): ср., с одной стороны, др.-инд. *agnih/agneh*, *sunuh/sunoh*, с другой — др.-инд. *dāru* "дерево" / *druvāh*. В греческом генитив всегда полногласен, а основа изменяется у всех прилагательных и части существительных: ἰχθύς "рыба" / ἰχθύος, но πῆχυς "локоть" / πῆχεος < *πῆχηFos. По мнению Э. Бенвениста [5], первичные имена на -i-, -u- были гистеродинамическими, а производные — протеродинамическими. Но это соотношение нарушено уже в ведическом наряду с *druvāh* появляется генитив *dróh* (**draus*). В эпическом же и классическом санскрите соотношение обоих типов вполне однозначно: имена на -i-/u- протеродинамичны (примеры см. выше), имена на -i/ū- (жен. рода) гистеродинамичны: *devi* "богиня" / *devyah*. Исходя из общего тяготения имени прилагательного к окситонности и связанной с ней полной ступени ауслаута словоформы, гипотезу Э. Бенвениста можно переформулировать следующим образом. Существительные на -u- были изначально гистеродинамическими, т.е. при словоизменении к их основе присоединялась флексия: прилагательные же на -u- были протеродинамическими, т.е. словоизменение затрагивало ауслаут их основы. Это связано с

общей тягой прилагательных к окситонезе, а существительных к баритонезе (аналогично типу τόμος/τομός), что наглядно подтверждается сопоставлением греч. λήυος (*bhéHghu) сλάχος "густой" (*bhṛghu). Эти соображения подтверждаются хеттскими данными. О соотношении силового акцента и аблаута см. [6].

Ко второй группе языков относятся те, в которых сохраняются лишь пережитки данной категории. Это германские и кельтские языки. Так, др.-ирл. *tiug* "острый" восходит к **tigu*, *fluch* "важный" < **uliku*; следы этого типа можно видеть также у префиксированных прилагательных: *cimung* < **kom-angu* "дальний", *diriug* < **di-regu* "правый". Словоизменение у этих прилагательных заимствовано у тематических имен: *dub* "черный" — (< **dubu*, ср. литов. *dubùs* "глубокий") — род. п. *duib* (< **dub-i*); ср. тематическое *maiss* "сын" — род. п. *maiss* (огамическое *maqi*). В германских языках тоже можно наблюдать только следы прилагательных на -и-: гот. *þaurus* "сухой", вич. п. муж. р. *þaurusjan*, им. п. жен. р. *þaurusja* (ср. литов. *platus* — *plati*). Др.-норв. *þurr* вообще лишено всяких показателей основы на -и- и склоняется как обычное прилагательное. В общем можно констатировать, что лишь в самых архаических германских языках есть номинативы и аккузативы прилагательных, восходящие к этой основе.

К третьей группе относятся языки, в которых прилагательные на -и- регулярно замещаются другим типом. Так, в латинском основа на -и- сохранилась, по-видимому, только в композите *acutifolius* "имеющий острые листья" (а также в производных: глагол *acuo* "заострять", причастие *acutus* "острый"). В основном же исконные прилагательные на -и- дополнены здесь суф. -i-: греч. ἡδύς, др.-инд. *svadú* — лат. *suavis*; греч. βραχύς (< **mrghu*) — лат. *brevis*. Согласно традиционной точке зрения, причиной этого является обобщение основы жен. рода на -i (помимо указанных литовских примеров, где суф. -i- замещает суф. -и-, см. древнеиндийские, где первый суффикс дополняет второй: *prithu* — *prithivi* [1, с. 214]). По этому поводу автор с полным основанием замечает, что в латыни суф. жен. рода **iH* отражается как -ic: *genitor* — *genetrix* (греч. γενέτωρ — γενέτειρα, др.-инд. *janitri* "родительница"). Прилагательные же типа *mollis* (**moldvis*, ср. литов. *maldùs*), *tenuis* сформировались в результате контаминации суф. -и- и -i-. В этой связи автор отмечает, что формы на -и- часто оказываются параллельны тематическим: *tenuis*

"тонкий" — *con-tinuus* "протяженный", *brevis* — тох. А *mrakwo*, лат. *levis* — литов. *leigvas*.

В славянских языках, по мнению Ш. де Ламбертери, есть только одно прилагательное, достоверно репрезентирующее основу на -и-: *младъ* (и рефлексy в современных языках), ср. литов. *maldùs*, греч. ὀμάλδύς, реконструированное на основании глагола ὀμάλδυνω. Это утверждение не представляется абсолютно бесспорным. Ю.В. Откупщиков [8, с. 36] отмечает несколько русских прилагательных без суффикса -ьк-, прямо соответствующих литовским прилагательным на -и-: *мъдръ* — *mandrùs*, *остръ* — *astrùs*; диал. *лякий* "горбатый" — *linkùs* "гнувшийся", *не-ук* "необъезженная лошадь" — *jaukùs* "смирный". Но Ю.В. Откупщиков при этом отмечает, что эти изолированные в словообразовательном отношении примеры нельзя отнести с уверенностью к старым основам. Данный вопрос требует дальнейших исследований.

Регулярно же литовским и индоевропейским прилагательным на -и- соответствуют славянские на -ьк- (ср. еще [7; 8]): литов. *saldus* — *сладьк-*, лат. *levis* — *льгьк-*, др.-инд. *amhu* — *жзък-*. Этот суффикс представляет собой расширение исконного -и- формантом -ko-, имеющим посессивное и уменьшительное значение. (На вопрос о том, какая функция первична — диминутивная или посессивная — едва ли можно дать однозначный ответ. Оба этих значения часто выражаются единым суффиксом: др.-инд. *maryaka* "карлик", но *asmaka* "наш"; греч. суф. -ιο-, -ιδιο- в качестве адъективных маркируют притяжательные прилагательные, а в среднем роде — диминутивы.)

Надо заметить, что в некоторых случаях суф. -uko- восходит к индоевропейскому состоянию; так, церк.-слав. *сладьк-* (литов. *saldùs*) близок к греч. ὀλκός "солёный", а русск. диал. *солкий* совпадает с ним поморфемно (и семантически). Распространение данного суффикса в славянском связано с законом открытых слогов и редукцией конечных гласных, в результате которой прилагательные на -и- совпали с тематическими именами и понадобилось морфологическое средство, характерное именно для прилагательного. Им стал суф. -и-, находящийся в сочетании с -ko- параллели в других и.-е. языках, но не получивший в них такого широкого распространения, как в славянских.

Вообще суф. -и-, как и многие другие, принимает активное участие в контаминациях и чередованиях с другими. Это обстоятельство позволяет реконструировать неко-

торое количество прилагательных на -υ- на основе дериватов. Так, сохранившееся греч. ὄρυϊα "улица" дает возможность предположить наличие *ὄρυός "протяженный" (ср. др.-инд. *rjū*). Но производящую основу для таких прилагательных удастся найти далеко не всегда. Если βριθός "тяжелый" образован от βρίθω "быть тяжелым", то для παχύς, κίτος "сосна", μέθυ "мёд" таких первичных глаголов не засвидетельствовано. Только закономерности в чередовании суффиксов, получающие наименование "закона Каланда" [10], позволяют понять эти имена как производные, а -υ- - как подлинный суффикс. Согласно Э. Ришу, особенно тесно связаны между собой суффиксы -ι- и -ρο (куδίανεϊρα "славная мужами" — кудρός "славный"), далее в этот круг входят -λος, -υος, -ίλεος, -ιμός, -υος, степени сравнения -ιον, -ιστο-, абстрактные имена на -ος/-εος, композиты на -ησ-, -εος-.

Автор подчеркивает, что всегда нужно делать поправку на то, что такие чередования могут развиваться по аналогии у форм, изначально в них не вовлеченных. Так, прилагательное ἐχθρός имеет сравнительную степень ἐχθίων, превосходную ἐχθίστος; сигматическая основа представлена абстрактным существительным ἐχθός "вражда", назальная — глаголом ἀπεχθάνομαι, простая — аорист от того же глагола — ἀπεχθόμην. Но чистая основа ἐχθ- есть фикция, так как все названные формы возникли в результате переразложения и опрощения первичного *ἐκσ-τρός, образованного от предлога ἐξ "вне" с помощью пространственного суффикса (ср. лат. *exterus* [5]). Развитие значений шло таким образом: "вне, внешний" — "чужой" — "враждебный". Этот пример, на наш взгляд, показывает не только необходимость критического отношения к словообразовательным моделям, но и — с другой стороны — их устойчивость, благодаря которой эти модели втягивают в себя новые основы.

К числу наиболее устойчивых словообразовательных корреляций автор относит соотношение между прилагательными на -и и сигматическими абстрактными именами. Оно находит параллель в индоиранском: греч. εἶρος "широкий" / εὖρος "ширина" — др.-инд. *urú/váras*; πλατός/πλάτος — *prthú/práthas*; авест. *prəθu/fracak*. Эти параллели показывают, что индоиранский сохранил более архаичную морфологию, чем греческий: здесь наличествует различие корневого вокализма (нулевая ступень прилагательного и полная — существительного), тогда как в греческом он унифицирован. Вообще вопрос о морфологии прила-

гательных на -и- сложен, многие из них обнаруживают полную ступень вокализма, как многократно упоминавшееся *saldūs* — *сладькь*; нулевая ступень корня представлена греч. ἄλुकός, русск. *солкий*. Хотя ударение стоит на суф. -и-, это не приводит к появлению у него полной ступени вокализма, по крайней мере в прямых падежах. Из этого можно сделать вывод, что становление этого класса прилагательных происходило в период замены старого, преимущественно силового индоевропейского ударения на новое — музыкальное [11]; непоследовательность в редукции корневой гласной может объясняться ослаблением экспираторного компонента у ударения. По-видимому, в тот же период сформировались и коррелирующие с прилагательными на -и- абстрактные имена на -es/-os: безударность суффикса не приводит к его редукции (редуцированным может быть корень у прилагательных на -es: ср. многочисленные греческие композиты с вторым элементом -υνη). Вероятно, прилагательные на -υ- формировались под влиянием конкретных имен типа τόμος (многие из которых функционировали как прилагательное), а существительные на es/os — под влиянием абстрактных имен типа τόμος.

После краткого обзора прилагательных на -и- в и.-е. языках автор переходит к определению функции данного суффикса. Этимологический анализ данного класса прилагательных позволяет их в конечном итоге определить как дeverбативы (так, литов. *saldūs* / слав. *сладькь*, выглядящие как производные от *sal-d "соль", ср. гот. *salt*, др.-ирл. *alt*, по сути являются отглагольными, репрезентирующими глагол типа лат. *sallo*, гот. *saltan* "солить"). Автор характеризует эти прилагательные как "псевдопричастия", наиболее близкие по значению к перфектным, т.е. выражающие состояние, достигнутое в результате действия. Суффикс подлинно перфектных причастий *-ues- (др.-инд. -vas-, греч. -Γεσ-, слав. -виш-, оск.-умбр. -us) является расширением простого -и-. В этом отношении интересно сопоставление др.-инд. перфектного причастия *cikiváms* "узнавший" с *cikítis* "знающий, сведущий". Автор определяет функцию суффикса как эссивную (связанную с глаголами, не обозначающими активного действия). Мы бы добавили к этому, что прилагательные на -и- указывают на большую степень наделенности признаком: помимо указанной оппозиции греч. πόλις/πόλος, др.-инд. *púr/purú* можно отметить др.-инд. *tána* "продолжающийся; потомство"/*tanú* "долгий, длинный". Не случайно именно на базе -и- образован аффикс прилагатель-

ного высокой степени **-cent* (др.-инд. *-vant*, греч. *-Favt*. Итак, значение суф. *-и-* определяется как высокая степень достигнутого состояния. Именно поэтому прилагательные на *-υ-* в греческом обозначают многие важные понятия, связанные с духовными и физическими качествами; можно сказать, что у суф. *-υ-* в греческом есть достаточно устойчивое семантическое поле. Ряд прилагательных этого класса вступает между собой в отношения синонимии, антонимии, паронимии.

Как показано в рецензируемой работе, особенно богатыми лексическими связями обладает прилагательное *ὀξύς* "острый" (в разных значениях), которое в зависимости от контекста может относиться к различным лексическим полям. На большую многозначность этого слова указывал еще Аристотель (Топпика, I, 15). В значении "острый на ощупь" *ὀξύς* антонимичен *ἀμβλύς* "тупой", "легкий" — *βαρύς* "тяжелый"¹. С другой стороны, *ὀξύς* и *βαρύς* могут выступать и как синонимы, если *ὀξύς* означает "резкий, болезненный; мучительный": ср. *ὀξεῖαι ὀδυναί* (Илиада, 12, 268) "болезненные муки" и *ὀδυναί ... βαρεῖαι* (Илиада, V, 417) "тяжелые муки". Суммировать наблюдения Ш. де Ламбертери относительно семантических связей прилагательного *ὀξύς* можно следующим образом: А. Антонимы *ἀμβλύς* "тупой", *βαρύς* "тяжелый", *βραδύς* "медленный", *βραχύς* "короткий" в сочетании с *νόος* "разум", *παχύς*, *πλατύς* "широкий", *πлотный*, *плоский*", *γλυκύς*, *ἡδύς* "сладкий", *πραῦς* "спокойный, простой"; В. Синонимы — *βαρύς* "мучительный, тяжелый", *δριμύς* "острый, кислый"; *ῥαβδύς*/*εὐδύς* "прямой", *θρασύς* "смелый, отважный", *ἰσχυρός* "громкий, ясный" (о звуке, голосе), *ταχύς* (первый член композита) "длинный", *ὀξύς* "быстрый", *τραχύς* "жесткий". Замечательно, что все члены как антонимического, так и синонимического ряда относятся к одному морфологическому классу.

Другие прилагательные на *-υ-* также четко структурируют семантические поля. Они обозначают плотность (*παχύς*), глубину (*βαθύς*), длину/краткость (*βραχύς* "короткий"), величину (*ταῦς* "большой", *λίγυς* "маленький, легкий"). Ряд прилагательных (рассмотренных во втором томе рецензируемой книги) обозначает различные нематериаль-

ные качества: "хороший/плохой", "смелый", "мужской/женский".

На основании словообразовательных моделей автор реконструирует такие прилагательные, как **τανύς* "длинный", чья основа сохранена в композите типа *τανύ-πέλλος*; продолжением ее в греческом является тематический дериват *ταναός*, микен. *tanawo*. Тематические *στενός*/**στενFός* "узкий" и *μινός*/**μινFός* "маленький" предполагают первичные **στενύς*, **μινύς*. Глагол *ἀμαλδύνω* позволяет реконструировать прилагательное **ἀμαλδύς* (ср. *βαρύνω* — *βαρύς*), *μινύθω* — **μινύς* (ср. *βαρύθω*). Рассматривая соответствия прилагательному *κακός* в других и.-е. языках, автор приходит к выводу, что здесь существовали параллельно две основы: тематическая и основа на *-υ-*. В близкородственном греческому фригийском языке они сосуществуют: ст.-фриг. *kakuioi/kakioi* (лат.п.), н.-фриг. *κακουν/καков*. В новогреческом основа древних прилагательных могла изменяться: прилагательные на *-υ-* заменялись тематическими, а тематические — прилагательными на *-υ-* др.-греч. *γλυκύς* — н.-греч. *γλυκός*; др.-греч. *μακρός* — н.-греч. *μακρός*.

Особенно тщательно анализирует автор глоссу Гезихия *ταύς μέγας* "большой". Сложность состоит в том, что корневой ауслат идентичен предполагаемому здесь суффиксу. Автор предлагает рассматривать данную словоформу как *ταυ-ύς* < **teHu-ú*. В пользу этой реконструкции свидетельствует нестяжение *αῦ* и акцент на *υ*. Производным является прилагательное *σαFός* < **tu-eH-uo*.

Соотношение **teHu-ú* и **tu-eH-υb-*, очевидно, объясняется закономерностями в редукации безударных гласных, констатированными В. Шмальстигом [12]; ближайшие к ударным гласные редуцируются; предшествующие/следующие сохраняются и т.д.

Книга Ш. де Ламбертери — результат удивительно скрупулезного и многопланового исследования в области исторической морфологии и семантики греческого языка. Конечно, тема исследования (индоевропейские прилагательные на *-и-*) не может быть исчерпана и более чем 1000-страничной монографией. Остается ряд спорных моментов в морфонологии и морфологии этих прилагательных. Изучение их структуры способно прояснить становление грамматического строя и.-е. языков, в частности, еще и потому, что их формирование, по видимому, происходило в период изменения характера и.-е. ударения. Для этих дальнейших исследований важным подспорьем будет фундаментальная работа Ш. де Ламбертери.

¹ Антонимия *ὀξύς/βαρύς* была использована грамматиками для противопоставления высокого и низкого тона в ударении. Эти термины были скалькированы латинскими грамматиками (*accentus acutus/gravis*) и хорошо известны как в общелингвистической традиции (акут — гравис), так и в национальной французской (*accent aigu/grave*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd III. Hf. 1. Strassburg, 1906. S. 176—179.
2. Beekes R.S.P. The development of Proto-Indo-European laryngeals in Greek. The Hague, 1969.
3. Strunk K. Die sogenannten Äoliden der homerischen Sprache. Köln, 1957.
4. Откупщиков Ю.В. Диалектный материал и этимология // Этимология. 1984. М., 1986.
5. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
6. Hirt H. Der indogermanische Ablaut mit seinem besonderen Verzichtung zum Akzent. Strassburg, 1990.
7. Эккерт Р. Основы на -и- в праславянском языке // Уч. зап. Ин-та славяноведения. 1963. Т. 27.
8. Откупщиков Ю.В. Балтийские и славянские прилагательные с -и- основой // Baltistica. 1983. XIX.
9. Трубецкой Н.С. О притяжательных прилагательных (possessiva) в староцерковнославянском языке // Трубецкой Н.С. Избр. тр. по филологии. М., 1987.
10. Risch E. Wortbildung der homerischen Sprache. В.; N.Y., 1974.
11. Гамкрелдзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I. Тбилиси, 1984. С. 190.
12. Schmalstieg W.R. The Indo-European Linguistics: A new synthesis. Austin; London, 1980.

Красухин К.Г

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

- БЕ — Български език
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВСЯ — Вопросы славянского языкознания
 ВФ — Вопросы философии
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ЕИКЯ — Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВО РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ИАН СЛЯ — Известия АН СССР. Серия литературы и языка
 ИКЯ — Иберийско-кавказское языкознание
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН), АН СССР
 ИЯШ — Иностранные языки в школе
 РЯШ — Русский язык в нач. школе
 РЯШ — Русский язык в школе
 СБНУ — Сборник за народни умотворения
 СТ — Советская тюркология
 ФН — Доклады высшей школы. Филологические науки
 ADAW — Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
 AfslPh — Archiv für slavische Philologie
 AGL — Archivio glottologico italiano
 AKGW — Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
 AL — Acta linguistica
 AmA — American anthropologist
 ANF — Arkiv för nordisk filologi
 AO — Archiv orientální
 APAW — Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
 BCLC — Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
 BPTJ — Biulétyn Polskiego towarzystwa językoznawczego